

Колодец был полон крыс и змей, она рыдала от страха, её слёзы лились ручьём. Семь дней она провела в этом колодце, крича и зовя мать, цеплялась за стены, но они были скользкими от мха. Она царапала их ногтями, пытаясь выбраться, пока они не сломались, а пальцы не превратились в кровавые обрубки.

Однажды ей удалось сдвинуть крышку колодца, и она увидела свет снаружи. Но её мать, оказалось, приставила стражу к колодцу. Увидев, что она пытается выбраться, её снова столкнули вниз и накрыли колодец огромным камнем.

У неё больше не было сил, чтобы подняться. Стены и крышка колодца были покрыты пятнами крови. Змеи и крысы, учуяв запах крови, пришли в возбуждение и начали заползть ей в глаза, уши, рот и нос, постепенно пожирая её тело.

Тьма поглотила её. Сначала она отчаянно сопротивлялась, кричала и звала на помощь, но постепенно силы покинули её. Она могла лишь смотреть, как её тело пожирают змеи и крысы, пока от неё не остался лишь сухой скелет.

Так как она была женщиной, умершей в юном возрасте и с запятнанной репутацией, её семья отказалась поставить ей поминальную табличку. Без подношений она стала блуждающим духом.

Позже, полная негодования, она каждую ночь выла в колодце, пугая всех в усадьбе. Её мать, мучимая кошмарами, хотела засыпать колодец. Но её душа, привязанная к скелету, уже превратилась в духа. Когда крышку колодца открыли, она вырвалась на свободу.

С тех пор её скелет каждую ночь появлялся перед матерью, которая в конце концов сошла с ума и разбилась насмерть у колодца.

Она скиталась по миру людей, но из-за слабой магической силы её преследовали даосы. Мо Гань спас её, и с тех пор она служила ему.

Юэ Ю оказалась под контролем демонической музыки Цин Ту. Она кричала и плакала, царапая воздух, умоляя:

— Выпустите меня! Выпустите меня!

Хотя вокруг не было колодца, её пальцы начали кровоточить. Не было ни крыс, ни змей, но её тело покрылось дырами, из которых хлестала кровь. Она каталась по земле, крича и рыдая.

История Цин Ву была менее кровавой.

Она была дочерью бедной семьи, где было много детей, включая младшего брата. Чтобы дать ему образование, её отец продал всех сестёр. Её продали за две монеты сорокалетнему мяснику, уродливому, толстому и склонному к пьянству.

Она не посмела сопротивляться и вышла замуж. Мясник бил и оскорблял её. Через несколько лет, не родив детей, он, погрязший в долгах, продал её в бордель.

Благодаря своей красоте она провела в борделе несколько лет в относительном комфорте, но, будучи вынужденной обслуживать множество клиентов, вскоре заболела и была выброшена на свалку.

Она долго мучилась на свалке, пока не умерла. Вороны склевали её тело, и, оставшись без погребения, она скиталась по пустынному кладбищу, пока не встретила Мо Ганя, который помог ей отомстить. Она не преследовала владелицу борделя или своих клиентов, а обратила свой гнев на отца и мужа, которые в итоге погибли.

Цин Ву не выражала такой боли, как Юэ Ю или Жу Чжэнь, её взгляд был пустым, а лицо — бесчувственным.

Никто не становится злым после смерти без причины. Всё это — следствие отсутствия тепла при жизни.

Мир людей полон зла, и злые духи повсюду. Эти женщины, словно нежные цветы, увяли слишком рано, потому что деревья, на которые они опирались, были поражены червями.

Странно, но я не смог полностью разглядеть образ Мо Ганя.

Неожиданно, он, будучи императором мира людей, обладал такой глубокой силой. Я лишь смутно увидел множество поминальных табличек с надписями, описывающими их жизнь и смерть. Все они умерли внезапно, в расцвете сил.

Внезапно всплыли обрывки воспоминаний. Юный Мо Гань, бледный и болезненный, стоял перед табличками предков, его лицо было серьёзным, а тело окутано фиолетовым и чёрным сиянием. Он повторял:

— Я не верю в судьбу! Я не верю в судьбу!

Я не мог понять. Мог ли человек, который так легко решал судьбы других, сам быть лишь пылинкой, уносимой колесом судьбы?

Видя страдания четырёх духов, я почувствовал жалость и, потянув за рукав Цин Ту, тихо спросил:

— Можешь ли ты помочь им?

Цин Ту не остановил свою музыку, лишь передал мне мысль:

— Маленький монстр, ты шутишь? Я — демон! Ты слышал, чтобы Будда спасал души, но когда

ты слышал, чтобы демон спасал злых духов?

Я опустил голову, моргая, и молча смотрел на него.

Вдруг я услышал его вздох. Его музыка изменилась, и он начал играть «Мантру перерождения». Его тело озарилось золотым светом, и весь Город Призраков засиял.

На краю неба, где только ни была пустошь.

Серые горные хребты простирались до горизонта, а бурные Чёрные воды вздымали волны, закрывая солнце.

Десятки тысяч лет Пруд Молний был лишён солнца, луны и звёзд, здесь не росло ни травинки, не водилось ни зверя, ни птицы.

Прошло ли десять тысяч лет или сто тысяч, уже невозможно было сказать, ибо никто не помнил, сколько раз взошло солнце, сколько раз луна сменила фазу, сколько звёзд сияло в ночи.

Известно лишь, что когда-то здесь были горы, достигающие небес, потом бурное море, а теперь — бескрайняя пустошь.

Лишь вдали виднелись заснеженные горы и бурлящие Чёрные воды, хранящие следы прошлого.

Питянь наконец пробудился ото сна. За эти бесчисленные годы он был подобен неподвижной статуе, покрытой снегом, стоящей на бескрайней пустоши. Его величественная фигура напоминала заснеженную гору, которая стояла здесь десятки тысяч лет.

— Это место — действительно хорошее место, — подумал он.

Он открыл глаза, и его взгляд, острый как молния, устремился в небо.

Он окинул взглядом небо и землю. Возможно, из-за долгого сна его кровь словно застыла, перестала течь, а в костях поселился холод, который не исчезал.

Сюда не приходили боги, не заходили демоны, не проникали духи и не рождались монстры.

Здесь царила тишина, и лишь биение сердца нарушало её.

Так проходили годы, тысячелетия, и лишь ветер и снег бушевали над Прудом Молний.

Питянь стоял на краю границы Пруда Молний. С тех пор как мир был создан, ни один бог не тратил столько сил, чтобы создать границу лишь для того, чтобы заключить себя в неё. Он был первым. Он усмехнулся, и его рукава развевались на ветру.

Но он никогда не сожалел об этом. Он хотел защитить небо и землю, и если бы он сам стал угрозой, он предпочёл бы уничтожить себя.

Он был воином, способным потрясти Три мира, и, заключив себя здесь, он остался один, но даже небо и земля не могли сделать его ничтожным, ибо он всегда обладал силой, способной покорить небеса.

За границей гремел гром, и земля тряслась. Хотя за тысячи лет сна он восстановил часть сил, его мощь ещё не вернулась. Если бы он попытался прорвать границу, ему пришлось бы выдержать тысячи ударов молний.

Питянь задумался. Ему казалось, что Пруд Молний слишком тихий, и он хотел услышать хоть какой-то звук.

Ему пришла в голову идея: почему бы не создать человека?

Он слепил человека из глины, и на Пруду Молний появилось множество людей. Но он обнаружил, что их тела были неуклюжими, речь — косноязычной, а жизнь — короткой. Он попробовал создать людей из снега, но они были хрупкими и таяли при первом же дуновении ветра или ударе молнии.

Питянь продолжал экспериментировать, увлечшись новой игрой, словно забыв о своём желании выйти за пределы. Он стал серьёзным, решив создать человека, который бы ему понравился.

Человека, который бы оставался с ним навсегда.

Но все его творения были либо слишком хрупкими, либо некрасивыми, либо жили слишком мало, чтобы быть с ним долго.

Питянь продолжал трудиться, но, несмотря на годы усилий, успеха не добился.

Когда последний снежный человек рассыпался, упав, Питянь наконец остановился. Его раны обострились, и из уголка рта потекла алая кровь, окрашивая снег в красный цвет.

<http://bllate.org/book/15420/1372277>